

КРИТИЧЕСКАЯ ВОРОЖБА НА СТРАНИЦАХ «КУБАНИ»

Отличается ли исторический роман от научного труда, свода документов, учебника истории, наконец? Любой мало-мальски грамотный человек только плечами пожмет в ответ на такой вопрос. Однако встречаются люди, не усматривающие тут никакой разницы. Сядя за чтение романа, рядом кладут они учебник и весь процесс чтения сводят к сверке мельчайших подробностей. И что удивительнее всего, они берут на себя право судить о художественном произведении и делают эти суждения достоянием читателя.

Казалось бы сторонники такой скрупулезной точности, удачно названной исследователем творчества Гоголя Б. Храпченко «плоским документализмом», сами уж будут в высшей степени точны. Тем более удивляет, когда именно они, подходя к художественному тексту начинают «облегчать анализ содержания романа» не чем иным, как... угадыванием, методом, который испокон веков удачно назван в народе ворожкой. Именно так подходит к роману А. Губина «Молоко волчицы» М. Ф. Морозов, выступивший в журнале «Кубань».

«Из содержания романа,— пишет он,— угадывается, что центром романа является станица Эссентукская, чем облегчается анализ содержания романа».

Во-первых, центром романа является не какая бы то ни было станица, а судьбы людей, как складывались они в великую эпоху революционных преобразований нынешнего века. Во-вторых, зачем же «угадывать» название станицы? Не правильнее ли будет читать то, что есть у автора. Автор же нигде не дает поименования станицы, где происходит действие, создавая образ более или менее обобщенный.

М. Ф. Морозов, ополчаясь на Губина за «творческий произвол в обращении с историческими фактами», исходит большей частью из этой своей догадки. Я угадал, что это станица

Эссентукская, а автор такой-сякой не пишет так, чтобы это была точь-в-точь Эссентукская — не правда ли странный

метод «анализа содержания».

Не стану спорить по поводу этих «догадок», пусть они остаются на совести автора. Не это самое главное. В конце концов, может быть А. Губин, переиздавая роман, продумает все, брошенные в его адрес упреки и найдет среди них что-то, основанное не только на догадке и домысле автора письма-отзыва.

Главное в другом. Писатель прежде всего воссоздает образ времени. И вот, если он неверно понял явление действительности, исказил этот образ времени, вина его действительно велика. Морозов обвиняет автора «Молока волчицы» в этом тяжком грехе. «Роман «Молоко волчицы» — исторически неграмотное, социально-несостоятельное и неправдоподобное произведение. Это брак в литературе»,— заключает он свое письмо-рецензию в журнал «Кубань».

Что остается делать писателю и читателю, если они согласятся с этим выводом? Одному зачеркнуть свой многолетний труд. Другому — обходить эту книгу за три версты, чтобы, избави бог, не набраться вредных мыслей. Но не будем спешить поднимать руки перед агрессивным читателем-рецензентом. Попробуем разобраться в его упреках.

Автор рецензии упрекает Губина в «безоглядном подходе, когда то и дело речь заводится о пресловутых «привилегиях». М.Ф.Морозов поставил перед собой цель довольно странную, опровергнуть мысль о «пресловутых привилегиях», доказать, что никакими привилегиями казачество не пользовалось, никакими грехами не страдало, никаких противоречий не знало, играло исключительно революционную роль в истории России.

Очевидно, чтобы разобраться в

этом вопросе самое разумное и естественное — это обратиться к трудам В. И. Ленина, который, писал о казачестве неоднократно.

Наш рецензент почему-то не вспомнил об их существовании. Впрочем его тут подвела, очевидно, та же метода «угадывания», куда проще изрекать истины, ухватившись за подходящую к случаю цитату, нежели рыться в кипах книг, осмыслить, явление, выявить его сложность.

Вот несколько высказываний В. И. Ленина о казачестве. В статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин пишет, анализируя распределение земельных наделов в России: «Чтобы судить о том, из каких разрядов крестьян составляется эта богатая землевладением группа дворов, укажем, что на первом месте здесь стоят казаки. В группе имеющих свыше 30 дес. на двор... подавляющее большинство всего числа казаков». В этой же работе Ленин относит казаков к «...привилегированному крестьянству». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 16, с. 199, 410).

А вот высказывание значительно более позднее (1917 г.). «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для Русской Вандеи». (Русская революция и гражданская война, т. 34, стр. 219). В докладе на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и профессиональных союзов 4 июня 1918 г. Ленин относит казаков к слою «земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых». (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36, с. 402).

Я думаю достаточно этих высказываний для того, чтобы

почувствовать, мягко говоря, неосведомленность и автора письма, и тех, очевидно, кто его опубликовал. Именно в сословной замкнутости, в привилегированном положении казачества, прежде всего в отношении землевладения, видел Ленин основание для той роли, какую играло, казачество в подавлении революции 1905—1907 гг. В течение столетий царское правительство использовало все меры, чтобы сделать некогда революционную силу покорной своей власти. Это факты истории. И забывать о них нельзя. Как нельзя забывать и того, что В. И. Ленин внимательно приглядывался ко всем приметам социального расслоения казачества. Он считал приход трудового казачества на сторону революции важнейшим свидетельством того, что революция победила, и подчеркивал значение казаков в борьбе с контрреволюцией. Ленин приветствовал трудовое казачество 1 марта 1920 года на его I Всероссийском съезде. Естественно, что и Ленин и Калинин, выступавшие на собрании в первый день открытия съезда, в своих докладах акцентировали тогда внимание на том, что сближало казачество с революцией. М. Ф. Морозов использует слова из речи Калинина, не учитывая их конкретно исторического смысла. То, что казачество, разделившее судьбу крестьянства в революции, шло к ней все же более трудно, почувствует каждый, прочитавший «Тихий Дон» М. Шолохова.

Губин не делает открытий, рассказывая об исторических путях казачества. Ценность его романа, бесспорно не лишённого недостатков, в том, что увидев те же общие процессы в судьбе терских казаков, он, рассказав о семьях Есауловых, Синенкиных и многих других, воспроизвел особенности быта терского казачества, что создал оригинальные и полнокровные характеры, запомнившиеся и любившиеся читателю, что сумел увидеть и показать чрезвычайно сильное в казачестве патриотическое чувство, его уважение к труду, которые приводили даже

заблудившихся казаков в конце концов к Советской России. Ничего этого рецензент не замечает. «Автор плохо знает историю казачества, жизнь и быт казаков, — пишет рецензент, и, оценивая картины быта, подходит с той же методой домысливания, угадывания. Вот несколько примеров. Он пишет: «Воровство у казаков считалось исстари позорным преступлением», делает вывод: «Вот чего не было в станицах, так это воровства и разбоя». И на том основании, что персонаж романа Гаврюшка Старицкий с отроческих лет шалил по балкам и дубравам с винтовкой, рецензент пишет: «Автор романа убеждает, что воровство и разбой в казачьих станицах были обычным явлением». Осуждалась у казаков безнравственность. И автор, исходя из этого, обвиняет Губина в «выдумке» о Нюське Дюковой, не отличавшейся безупречным поведением. Очевидно, наш рецензент забыл шолоховскую Дарью. Пишет Губин «с детства казака учили трем обязательным искусствам: владеть оружием, плугом и чаркой», рецензент заключает: «пьянство не поощрялось, а для несовершеннолетних совершенно запрещалось». Но искусство владеть чаркой и пьянство — по-видимому, отнюдь не одно и то же. И кроме того, зачем же бесконечно судить о живой жизни на основании прописных норм, заключающих в себе более идеальные представления, чем реальную жизнь.

Примеры грубо субъективной, несправедливой и странно наивной трактовки тех или иных сторон романа можно было бы продолжить. Остается лишь выразить удивление, что журнал «Кубань» поместил на своих страницах этот материал из редакционной почты, не сопроводив его никакими комментариями и тем самым присоединился к суждениям, более достойным уже уходящих в прошлое, критических ворожей, чем людей мыслящих.

ТАТЬЯНА БАТУРИНА.